

« ГРУППА АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр ТАМОНИКОВ

*ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ
«БОИНГА-737»*

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Прерванный полет «Боинга-737» / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Спецназ. Группа Антитеррор).

ISBN 978-5-04-096016-3

Пронзительная правда о войне от участника боевых действий. Суммарный тираж книг автора – около 10 миллионов экземпляров.

Боевиками движения «Талибан» захвачен пакистанский «Боинг-737» с сотней пассажиров на борту. Террористы связываются с российскими властями и предлагают обменять авиалайнер на десять боевиков-талибов, которые отбывают срок на территории РФ. Несмотря на то что среди пассажиров авиалайнера нет ни одного гражданина России, власти принимают предложение террористов. Однако подозревая, что талибы задумали какую-нибудь провокацию, руководители российских спецслужб решают отправить в Афганистан отряд специального назначения «Оса». Бойцам приказано на месте оценить обстановку и по возможности обезвредить террористов и освободить заложников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096016-3

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Любое совпадение случайно и непреднамеренно.

От автора

Глава первая

ВСТРЕЧА В КАНДАГАРЕ

В живописной долине на юге Афганистана раскинулся древний город Кандагар, основанный еще при Александре Македонском и некогда носивший гордое звание столицы страны. Он довольно велик, многолюден и полон всевозможных исторических достопримечательностей, хотя прославился вовсе не ими, а кровопролитными боями, проходившими некогда в окрестностях, и своей причастностью к зловещему движению «Талибан». По существу, Кандагар когда-то был главным оплотом талибов, однако после вторжения войск Северного альянса они были вынуждены бежать, покинув такие священные для себя реликвии, как кусок плаща пророка Мухаммеда, хранящийся в особо почитаемой мусульманами мечети Да-Керка-Сариф-Зиарат. С тех пор в городе была учреждена штаб-квартира вооруженных сил НАТО, которые, если верить их заявлениям, обеспечивают безопасность в регионе.

Что ж, при самом первом, беглом и поверхностном взгляде Кандагар действительно превратился во вполне мирный город, где бойко торгуют шерстью, войлоком, хлопком, шелком и всякой всячиной. Часть разрушенных зданий восстановили, а для удобства пешеходов и автомобилистов снесли несколько древних извилистых улиц с саманными хижинами, заменив их прямыми проспектами и относительно зелеными скверами.

Однако западных туристов сюда не заманишь никакими коврижками. Не расхаживают они шумными толпами по прекраснейшей площади Чар-Сук, не фотографируют, восторгаясь, мавзолеей Мир-Маис-Баба, не любуются горными заснеженными пиками на горизонте, не поедают пахучие шашлыки с горячими, хрустящими лепешками, не дивятся тому, что на городских задворках беспрепятственно растут кусты конопли, похожие на раскидистые елочки. Виной тому не жара, которая летом превращает Кандагар в настоящее раскаленное пекло, где совершенно нечем дышать. И даже не свирепые пыльные бури, во время которых невозможно открыть рот или глаза без того, чтобы их тут же не запорошило песком. Причина кроется в том, что талибы бежали отсюда не так далеко, как казалось вначале. Прошло совсем немного времени после их разгрома, как они пришли в себя

и начали потихоньку возвращаться, маскируясь под мирных жителей.

Одним из них был, например, Мохаммад Джамхад, прибывший в Кандагар 10 июня под видом владельца небольшой табачной фабрики в провинции. Смуглолицый, с правильными чертами и резкими морщинами, придававшими ему достоинство и суровость, с бородой, доходившей до уровня груди и полностью скрывавшей щеки, Джамхад мог бы сойти за аскета, если бы не слишком чувственные влажные губы, обладавшие куда большей выразительностью, чем глаза, неподвижные и матовые, как пара слив.

Доехав до нужного района, он велел таксисту остановиться, чтобы дальше пройти пешком. Всевышний указывает преданным правильный путь, но идти по нему следует с умом, не совершая неверных движений и не подвергая себя ненужной опасности. «Будьте предельно осторожны и бдительны», — призывает Священная Книга, и лишь глупец, безумец или неверный может игнорировать столь мудрое наставление.

Идя по улочке, криво поднимающейся в гору между бесконечных саманных дувалов, Джамхад обратил внимание, как много попадалось ему навстречу бесстыжих женщин без паранджи и бесчестных мужчин, лишивших себя бороды, отчего их лица выглядели непристойно голыми. Кроме того, пару раз его чуткий нос

уловил характерный запах гашиша, витающий в воздухе столь же свободно, как аромат жарящихся лепешек, а из некоторых дверей и окон доносились звуки западной музыки, предназначенной для того, чтобы слушать ее в аду вместе с тамошними обитателями. Джамхад, так много сделавший для того, чтобы соотечественники соблюдали заветы Пророка, почувствовал себя уязвленным и оскорбленным в лучших чувствах. Остановившись возле маленькой парикмахерской, чтобы проверить, не увязался ли за ним хвост, он сделал вид, что просто любитесь видом на раскинувшийся внизу Кандагар, а сам стал прислушиваться к разговору благообразного старца и юноши, который, по-видимому, являлся его внуком. Они как раз толковали про прежние времена, когда страной правили талибы.

— Мне девяносто лет, Вали, — говорил старик, постукивая посохом, — но за последние десять лет я увидел столько женских лиц, сколько не видел за всю предыдущую жизнь. Срам! Беспутство! И никто не преследует этих развратниц на улице, не провожает их свистом, не побивает камнями, как это было в старые добрые времена. Вот до чего мы дошли с вашими новыми порядками.

— Пойми, дед, — запальчиво воскликнул юнец, — прежние порядки устарели, они дав-

но никуда не годились. Их насаждали талибы, чтобы подчинять остальных людей своей воле. А сами? Подлые лицемеры! Объявляли по радио, что выращивание опия запрещено, а сами занимались продажей наркотиков, выручая за них огромные деньги. Вы жили впроголодь, а они купались в роскоши, строили себе дворцы и покупали японские джипы. Это, по-твоему, порядок? Нет, дорогой дедушка, это безобразие!

У Джамхада просто руки чесались, так хотелось ему схватить этого безмозглого сопляка за тонкое горло и душить, душить, пока его болтливый язык не вывалится наружу и не посинеет, не в силах произнести больше ни единого лживого слова. Вместо этого он заставил себя продолжить путь. Джамхад не имел права выдавать себя и свою принадлежность к движению «Талибан». Очень многое зависело от результатов его визита в Кандагар. Вся та большая геополитика, о которой любят болтать разные умники, не вылезаящие из телевизионных ящиков и полагающие, что управляют миром они. Однако истинным властелином здесь и во вселенной являлся всемогущий Аллах. И это он направлял стопы Джамхада в нужном направлении.

Осознание этого наполняло его гордостью и уверенностью в себе. В памяти одна за другой всплывали суры, соответствующие его состоянию. «Да не постигнет нас никогда ничто,

кроме того, что начертал нам Аллах, наш Покровитель... Ибо если Аллах коснется тебя злом, то нет избавителя от этого, кроме Него. А если Он пожелает тебе добра, то нет способного удерживать Его милость».

Губы Джамхада, беззвучно повторяющие эти слова, то и дело растягивались в самодовольной улыбке, тогда как глаза сохраняли прежнюю невыразительность. В них нельзя было уловить ни одного проблеска, ни одной искорки, даже когда, по идее, зрачки должны были отражать солнце. Это создавало довольно странный и немного пугающий эффект. Когда он смотрел на человека, тот старался не встречаться с ним взглядом. Правда, это случалось редко. Обычно Джамхад держал глаза опущенными, словно был погружен в молитву или богоугодные размышления. В общем и целом этот человек производил благоприятное впечатление.

Один раз его обогнал патрульный «Хаммер» с иноземными автоматчиками в зачехленных касках, но внешний вид Джамхада их не насторожил. Одет он был как обычный мирный афганец — никаких моджахедских шаровар или длинной холщовой рубахи навыпуск. Единственная дань традиции — светлый пакол на голове, защищающий голову от палящих лучей солнца. Остальное — коричневый, в белую полосу, костюм, тщательно наглаженная голубая

рубаха и поскрипывающие плетеные туфли — вполне соответствовало облику преуспевающего бизнесмена. А если бы американцы и заподозрили что-то неладное, то было уже поздно, потому что, нырнув в проулок, Джемхад быстро поднялся по ступеням, толкнул тяжелую деревянную дверь и очутился в просторном дворе большого двухэтажного дома с длинной верандой, на которой сушились выстиранные женами хозяина ковры, простыни и покрывала.

Вода, оставшаяся на камнях после стирки, еще не успела высохнуть и дарила приятную прохладу, особенно ощутимую в тени трех раскидистых инжиров, заслоняющих двор от жгучих лучей солнца. Прежде чем позвать хозяина или пройти дальше, Джемхад сбросил нагретый пиджак и развел руки в стороны, надеясь, что слабый ветерок высушит промокшую рубашку. Эта одежда неверных создавала раздражающие неудобства для мутлы Мохаммада Джемхада, который являлся одним из лидеров движения «Талибан».

Его биография была безупречной. Он родился неподалеку от Кандагара, в крохотной деревушке Хаке, с раннего детства обучался в медресе и зарекомендовал себя как истинный знаток ислама. Одна из его четырех жен была дочерью самого Черного Омара. Под командованием этого великого воина Джемхад штурмовал Кабул

и Мазари-Шариф, а потом принимал участие в уничтожении гигантских статуй Будды в Бамиане. На его руках не высыхала кровь врагов ислама: сначала русских солдат, потом владельцев маковых плантаций на севере Афганистана, наконец, американских агрессоров, нагло попиравших священную землю, по которой когда-то ходил сам Пророк. Впрочем, с американцами в последнее время отношения наладились, и необходимость устраивать джихад против Соединенных Штатов отпала. Оказалось, что главные недруги обитают все же в России.

Хозяин дома, выбежавший встречать дорогого гостя в своей лучшей каракулевой папахе, ненавидел русских ничуть не меньше. Звали его Халик Ардан. В домашнем халате и тапках на босу ногу он совсем не напоминал того грозного Халика-Орла, который четверть века назад воевал с советскими солдатами на своей земле. Однако, присмотревшись к его лицу, любой наблюдатель сразу понимал, что видит перед собой человека незаурядного, решительного, вспыльчивого, отважного. Очертания его носа напоминали кривой разбойничий кинжал, глаза поблескивали в тени сросшихся бровей, как постоянно тлеющие угольки, а длинные боковые клыки придавали ему что-то звериное, хищное. Ардан уже начал сесть, но кудри, падающие на

его высокий загорелый лоб, все еще были смоляными и тугими, как пружины.

По происхождению он принадлежал к самому многочисленному племени афгани, как именуют их на Востоке, или пуштунов, как называют себя они сами. Что касается Ардана, то он ненавидел иноверцев почти столь же лютой ненавистью, как и русских. При этом нельзя не отдать должное таким чертам его характера, как смелость, гордость и свободолюбие, позволившие ему стать одним из самых уважаемых полевых командиров, под началом которого находилось до трех сотен боевиков. Был он также строгим, но любящим отцом, добрым мужем и надежным другом. Это каким-то образом сочеталось в характере Ардана со звериной жестокостью, проявляемой не только к врагам на полях сражений, но и к безоружным пленным.

В полной мере она проявилась осенью 1985-го, когда его банда атаковала разведвзвод советского мотострелкового полка, отправленного командованием в Марайское ущелье.

За три дня до этого он со своими воинами сжег в ущелье целую колонну «КамАЗов», везших в Кандагар бензин, солярку и авиационный керосин. Топливозаправщиков было двадцать штук, в охране одна БРДМ — бронированная разведывательно-дозорная машина и две

боевые машины пехоты. Боевики Ардана называли их «черепашками», а «наливники» — «зажигалками», потому что первые часто демонстрировали неповоротливость в горной местности, а вторые вспыхивали факелами от выстрелов гранатометов. В кузове последнего «КамАЗа» находилась зенитная установка «ЗУ-23—2», а замыкала колонну машина техпомощи, чтобы можно было кого-то подремонтировать или взять на буксир.

Короче говоря, все это хозяйство было взорвано в результате интенсивного гранатометного и минометного обстрела. В нападении участвовал старший сын Ардана, которого в ходе скоротечного боя сразила пуля советского пулеметчика, пробившая ему грудь навылет.

Предав сына земле, окаменевший от горя, Ардан не увел отряд подальше, чтобы переждать, пока русские вертолеты размолотят все живое в округе, а приказал людям прятаться в пещерах и каменных щелях. Здесь-то и попал в засаду разведвзвод.

В ходе ожесточенного боя Ардан потерял половину своего отряда, но взвод был частично уничтожен, частично взят в плен. Когда пленников, избитых, истерзанных и окровавленных, привезли в лагерь, он долго прохаживался перед ними, якобы задавая вопросы, а на самом деле наслаждаясь предвкушением близкой ме-

сти. Эти скоты посмели отнять у него сына! Его надежду и опору, его плоть и кровь. За это они заслуживали самой жестокой кары, Аллах тому свидетель.

Жители кишлака Батан собрались на площади, наблюдая за происходящим. Мальчишки то и дело подбегали к русским, плюясь и швыряясь огрызками кукурузы, а взрослые хранили недоброе молчание, ожидая развязки. Ардану не терпелось ускорить эту развязку, но, вспоминая, какую ужасную потерю он перенес, заставлял себя продолжать допрос. С мезтью нельзя торопиться. Она должна свершаться медленно и неотвратимо, как все, что предназначено Аллахом.

Ардан выяснил, что командир взвода старший лейтенант с какой-то труднопроизносимой фамилией, недавно стал отцом, что сержант-пулеметчик ненавидит душманов и готов умереть за Родину и что трое солдат жалеют о том, что их послали в Афганистан, и очень хотят поскорее вернуться домой.

Допрос закончился, и по приказу Ардана со старшего лейтенанта стали сдирать кожу, ему посчастливилось скончаться на третьей минуте казни от болевого шока. Сержант сохранил достоинство и мужество, за что удостоился скупой похвалы Ардана. А потом его облили бензином и заживо сожгли.